

11. Шпет Г. Г. Очерк о развитии русской философии [Текст] / Введенский А. И., Лосев А. Ф., Шпет Г. Г. // Очерки развития русской философии. – Свердловск, 1991. – 591 с.

12. Новицкий О. М. Руководство к опытной психологии. – К.: Тип. ун-та, 1840. – 488 с.

13. Ткачук М. Орест Новицкий: долаючи забуття [Текст] / Ткачук М. // Філософська і соціологічна думка. – 1996. – №1–2. – С.175–192.

References

1. Profesijna filozofija v Ukrai'ni XIX – pochatku XX st. [Tekst] / Fediv Ju. O., Mozgova N. G. // Fediv Ju. O., Mozgova N. G. Istorija ukrai'ns'koi' filozofii': Navch. posibnyk. – K.: Ukrai'na, 2000. – S.253–356.

2. Uvarkina O. V. Orest Markovyh Novyc'kyj: filosof i myslytel' [Tekst] / O. V. Uvarkina, S. Chzhan' // Aktual'ni naukovy doslidzhennja riznomanitnyh social'nyh procesiv suchasnogo suspil'stva: Materialy mizhnarodnoi' konferencii'. – Odesa: GO «Prychornomors'kyj centr doslidzhen' problem suspil'stva», 2016. – 104 s.

3. Pochapskij A. M. Razvitie filosofskoj mysli na Ukraine. Pervaja polovina XIX v. [Tekst] / A. M. Pochapskij. – K., 1984. – 128 s.

4. Filozofs'ka dumka u Kyi'vs'komu universyteti: istorija ta suchasnist' [Tekst] / Za zag. red. prof. A. Je. Konvers'kogo. – K., 2005. – 336 s.

5. Tkachuk M. Kyi'vs'ka akademichna filozofija XIX – pochatku XX st.: metodologichni problemy doslidzhennja [Tekst] / M. Tkachuk – K.: ZAT «Vipol», 2000. – 248 s.

6. Rozvytok osvity i pedagogichnoi' dumky na Perejaslavshyni (pochatok XVIII – persha chvert' XX stolittja): avtoref. dys. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 / Bagrij T. V.; Perejaslav–Hmel'nyc. derzh. ped. un–t im. G. Skovorody. – Perejaslav–Hmel'nyc'kyj, 2011. – 22 s.

7. Loboda S. V. Orest Novyc'kyj ta universytets'ka psihologija pershoi' polovyny XIX st. [Tekst] / S. V. Loboda // Problemy zagal'noi' ta pedagogichnoi' psihologii': Zb. nauk. prac' Instytutu psihologii' im. G. S. Kostjuka APN Ukrai'ny / Za red. S. D. Maksymenka. – K.: Ljubit' Ukrai'nu, 1999. – T. I. – Ch.1. – S.28–31.

8. Bardyn G. B. Orest Novyc'kyj pro predmet ta zavdannja filozofii' [Tekst] / G. B. Bardyn // Visnyk Kyi'vs'kogo nacional'nogo universytetu imeni Tarasa Shevchenka. Filozofija. Politologija. – K., 1999. – Vyp.30. – S.4–6.

9. Radlov Je. Oчерк истории русской философии [Текст] / Je. Radlov // Oчерки истории русской философии.– Свердловск: Izd. Ural'skogo un–ta, 1991. – 591 s.

10. Rozanov V. Zametki o vazhnejshih techenijah ruskoj filozofskoj mysli v svjazi s nashej perevodnoj literaturoj po filozofii [Tekst] / V. Rozanov // Voprosy filozofii i psihologii. – M., 1890. – №3. – S.6–7.

11. Shpet G. G. Oчерк о развитии русской философии [Текст] / Vvedenskij A. I., Losev A. F., Shpet G. G. // Oчерки razvitiya ruskoj filozofii. – Sverdlovsk, 1991. – 591 s.

12. Novickij O. M. Rukovodstvo k opytnoj psihologii. – K.: Tip. un–ta, 1840. – 488 s.

13. Tkachuk M. Orest Novyc'kyj: dolajuchy zabuttja [Tekst] / Tkachuk M. // Filozofs'ka i sociologichna dumka. – 1996. – №1–2. – S.175–192.

Zhang X., aspirant of National Pedagogical Dragomanov University (Ukraine, Kyiv), uvarkinaev@ukr.net

Philosophical heritage Orest Novitsky: critics and supporters

The theoretical questions of philosophical heritage O. Novitsky. It is proved that the study of the past attracts modern researchers by way and original review of actual problems of development and formation of the Ukrainian science and society. Philosophical heritage Orest Novitsky is still considered not examined in all aspects dealt with by the scientist. To its work has not always been positive by some representatives and philosophical, and historical, and psychological and pedagogical sciences. Due to the fact that the study includes O. Novitsky's interpretation of texts were used general principles of philosophical hermeneutics as a universal methodology of humanitarian knowledge: 1) the historicity of interpretation; 2) the continuity of the tradition; 3) The composition of the inexhaustible authentic text. Scientific work Orest Novitsky long become bibliographical rarities, requires systematization and reissue for approval on the basis of the domestic history of philosophy as a science, and already play an important role in the development of Ukrainian and world philosophy.

Keywords: Orest Novitsky, Kiev Theological Academy, philosophical views.

Чжань С., аспирантка, Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова (Україна, Київ), uvarkinaev@ukr.net

Філософські погляди Ореста Новицького: критики і однодумці

Досліджено теоретичні питання філософської спадщини О. Новицького. Обґрунтовано, що вивчення минулого приваблює сучасних дослідників маловивченістю і оригінальністю розгляду актуальних проблем розвитку і становлення української науки і суспільства. Філософські погляди Ореста Новицького досі вважаються не дослідженими в усіх аспектах, якими займався вчений. Ставлення до його робіт не завжди було позитивним з боку деяких представників і філософської, і історичної, і психологічної, і педагогічної наук. У зв'язку з тим, що дослідження містить у собі інтерпретацію текстів О. Новицького були використані загальні принципи філософської герменевтики як універсальної методології гуманітарного знання: 1) історичність інтерпретації; 2) безперервність традиції; 3) невичерпність автентичного складу тексту. Наукові роботи Ореста Новицького давно вже стали бібліографічними раритетами, вимагають систематизації і перевидання для затвердження на вітчизняному ґрунті історії філософії як науки і вже займають важливе місце в розвитку української і світової філософії.

Ключові слова: Орест Новицький, Київська духовна академія, філософські погляди.

УДК 165.75(091)

Константинов М. В.,
аспірант кафедри філософії і соціально-політичних дисциплін, Полтавський національний технічний університет ім. Юрія Кондратюка (Україна, Полтава), mihael01@hotmail.com

ГЕНЕЗИС ПОНЯТЯ «ВТОРИЧНА МОДЕЛІРУЮЧА СИСТЕМА» У Ю. М. ЛОТМАНА

Реконструювана історія виникнення поняття «вторична моделююча система», проаналізовано відношення Ю.Лотмана к предшестующому ему структуралізму в контексті формування і розвитку цього поняття, раскрыто содержание и значение, а также эволюция понятия «вторичная моделирующая система» Ю.Лотмана. В этом контексте определено значение и содержание понятий «язык», «текст», «модель», которые играли структурообразующую роль в семиотике Ю.Лотмана.

Ключевые слова: язык, модель, вторичная моделирующая система, семиотика, Ю. Лотман.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Понятие «вторичная моделирующая система» представляется исключительно важным в развитии философско–семиотических исследований XX века. Оно связывается, прежде всего, с именем Юрия Михайловича Лотмана, оставившего заметный след в этой научной области. Исследованию данного понятия, а также вклада Ю.Лотмана в его разработку, посвящены работы Б. Егорова [2], К. Аймермахера [1], Д. Сегала [8], А. Шукман [12], Н. Поселягина [7], А. Фаустова [11] и ряда других авторов.

Среди последних зарубежных исследований о Лотмане, касающихся данной проблемы, можно упомянуть монографию Edna Andrews «Conversations with Lotman: Cultural Semiotics in Language, Literature, and Cognition» (2003), сборник статей о творчестве Лотмана под редакцией Andreas Schönle: «Lotman and Cultural Studies. Encounters and Extensions» (2006), монографию Maxim Waldstein «The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics» (2008). Среди украинских исследователей можно назвать работы А. Киченко, но в целом большого интереса к творчеству Ю.Лотмана и московско–тартуской семиотической школы не ощущается.

Однако значение понятия «вторичная моделирующая система» у Ю. Лотмана остаётся, на наш взгляд,

недостаточно оцененным, в частности, в контексте анализа семиотического подхода к киноискусству. В связи с актуальностью темы киноискусства в творчестве Ю. Лотмана, есть необходимость с этой точки зрения взглянуть на понятие «вторичная моделирующая система».

Целью данной статьи является реконструкция истории возникновения понятия «вторичная моделирующая система» и анализ его содержания в философско-семиотической концепции Ю. Лотмана.

Понятием «вторичная моделирующая система» Ю. Лотман определяет искусство, поскольку искусство есть средство коммуникации, а всякая коммуникационная система может быть определена как язык. Язык же исследователь разделяет на три вида: «а) естественные языки (например: русский, французский, эстонский, чешский); б) искусственные языки: языки науки (метаязыки научных описаний), языки условных сигналов (например, дорожных знаков) и т.п.; в) вторичные языки (вторичные моделирующие системы) – коммуникационные структуры, надстраивающиеся над естественно-языковым уровнем (миф, религия). Искусство – *вторичная моделирующая система*.<...> Поскольку сознание человека есть сознание языковое, все виды надстроенных над сознанием моделей – и искусство в том числе – могут быть определены как вторичные моделирующие системы» [5, с. 20–21].

История возникновения самого термина «вторичные моделирующие системы» достаточно интересна. Он возник не для объяснения научных явлений, а для введения в заблуждение тогдашнего руководства Советского Союза. Юрий Лотман собирался проводить Летнюю школу по изучению семиотики в Эстонии, но называть именно так это мероприятие он не хотел из-за критического отношения тогдашнего руководства к слову «семиотика». О своих тревогах по поводу его проекта он рассказал своему другу Владимиру Успенскому. В. А. Успенский так дальше описывает: «Было ясно, что семиотика «засветилась» и назвать летние школы школами по семиотике нельзя. К этому времени вышла статья А. А. Зализняка, Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова «О возможности структурно-типологического исследования некоторых моделирующих семиотических систем». Пятый раздел сборника тезисов докладов, выпущенного к Симпозиуму по семиотике, назывался «Моделирующие семиотические системы». Под впечатлением этих заголовков я предложил Лотману назвать его школы «Летними школами по вторичным моделирующим системам». Название, на мой взгляд, обладало следующими ключевыми достоинствами: 1) звучит очень научно; 2) совершенно непонятно; 3) при большой нужде может быть все же объяснено: первичные системы, моделирующие действительность, – это естественные языки, а все другие, над ними надстроенные, – вторичные. К этому названию невозможно было придаться» [10, с. 106–107]. Несмотря на ненаучные причины возникновения термина «вторичные моделирующие системы», он, как нельзя кстати, подошел к научной концепции тартуского ученого – сегодня невозможно представить семиотику Лотмана без этого термина.

Искусство, культура, религия и даже сознание представляют собой вторичные моделирующие системы. Так в чем же их особенность, и как они работают? Прежде всего, возникает вопрос – что такое первичные моделирующие системы? Под этим выражением Лотман понимает категорию естественных языков: русский, английский и другие. Все естественные языки поддаются лингвистическому анализу. Это значит, что вторичные моделирующие системы, как основанные на первичных, также поддаются лингвистическому анализу. Соответственно, искусство, как вторичную моделирующую систему, можно исследовать через инструментальный лингвистический подход: язык, код, текст, знак, иерархическая структура как система, разделение на план выражения и план содержания, язык как коммуникационная система, модель и т.д. Дмитрий Сегал об этом пишет так: «То обстоятельство, что язык естественным образом структурирован, коллективен и задает общую интуицию и знание значений, делает изучение языка и языковедческие методы применимыми во всех областях, в которых речь идет о коллективном, о сигнификативном и о структурированном. Соответственно, лингвистический подход позволяет больше простых, натуральных, само собой разумеющихся экстраполяций из области лингвистики в другие области, чем, наоборот, из этих областей в лингвистику» [8, с. 28].

Возникает вопрос: что значит *моделирующая система, модель, язык, структура*, о которых было сказано выше? Приведем здесь краткие определения некоторых из названных понятий, которые важны для понимания семиотического подхода Тартуско-Московской школы [см.: 1, с. 240–250].

Текст состоит из: а) плана выражения и плана содержания (при помощи их передается сообщение – информация); б) эти два плана организованы в некоторую структуру (при помощи «языка-кода»). Составные элементы плана выражения и плана содержания в своей совокупности образуют систему. Эта система обладает пространственными и временными параметрами, т.е. характеризуемое определенным множеством признаков законченное целое. Семиотическое понятие текста шире, чем в обычном смысле. Под текстом в семиотике понимается не только набор слов, но также целое «художественное произведение» (любого вида: словесное и не словесное), «ритуал», «эпоху» и т.д. так как все они образуют последовательность элементов, обладающих значением.

Под *языком* понимается не сосюрвовское понятие «langue», а что-то другое, взятое из теории информации и теории систем (Б. Егоров указывает, что Ю. Лотман сильно интересовался кибернетикой, теорией информации и теорией систем, переняв из этих наук инструментальный и некоторые понятия [см.: 2, с. 91–94]); понятия «код» и «система»: определенное множество элементов и их отношений, или, иначе говоря, определенный «алфавит», «лексикон», «грамматика». В тексте «язык» часто понимается как «код», который определяется прагматической функцией текста, а также этот «язык-код» сообщает тексту свои особые синтагматические и парадигматические принципы организации. При этом, также не забывая о исторически сложившейся сосюрвовской связке «langue» и «parole»,

«язык» выступает в роли сосюрковского «langue», который будучи кодом, порождает речь «parole». Такой функциональный подход к языку был взят из Пражской лингвистической школы (Ян Мукаржовский и другие), которая также была одним из источников становления Ю. Лотмана.

Говоря о «структуре», мы подразумеваем, прежде всего, наличие двух понятий: а) отношение между планом выражения и планом содержания языка, при помощи которых передается сообщение–текст; б) наличие кода–языка, который организует отношение между двумя планами, указанные выше.

Понятие «модель» имплицитно предполагает наличие связанных с понятием «система» главных семиотических понятий, о которых мы уже говорили: «текст», «язык», «код», «структура». Как и понятие «знак», понятие «модель» определяется двояко: а) через его функцию, которая в процессе познания представляет в определенной форме релевантные для специального исследования свойства объекта (изучая «модель», мы производим симуляцию – системную модификацию – нашего объекта исследования – произведения искусства, культуры, окружающей реальности); б) «модель» (подобно «знаку») может сама быть объектом исследования и является (как и метаязыковое понятие «модель») репрезентацией не только самой себя, но и, вместе с тем, чего–то другого.

Когда мы говорим о познании мира, действительности, мы тем самым производим какое–то моделирование этой действительности в каких–то определенных рамках (*моделирующей системы*): естественного языка, искусства, науки. У нас получается редукция сложной природной действительности, то есть модель. Эта модель представляет наши субъективные знания о мире, а также способ получения знаний, и она характеризуется как состоящая из знаковых и модельных параметров. То есть, мы живем среди знаков и думаем при помощи знаков–образов и естественного языка. Поэтому функцию «моделирования» можно представить как стремление к вычленению основных функциональных закономерностей реальности. Еще Жак Лакан признал приоритет языка над бессознательным, то есть бессознательное организовано как язык. Определив бессознательное как дискурс Другого, он приходит к выводу, «что измерение истины возникает с появлением языка» [см.: 3, с. 131]. Здесь мы видим, что роль языка как моделирующей системы в нашей жизни неизмеримо огромна.

Моделирование как метод применим как для метаязыка (в научном моделировании), так и для языка–объекта (произведение искусства, культура, религия, сознание и т.д.) и тесно связан со свойствами понятий «язык», «код», «структура», «модель» и т.д., являясь универсальным механизмом. Говоря о научном моделировании (метаязыке), мы приходим к идеализации – упрощению, а моделирование в области языка–объекта можно, согласно Карлу Аймермахеру, представить двояко: «1) как создание определенной структуры сознания (получение определенных знаний) относительно определенной ситуации, т.е. речь идет о стремлении проинтерпретировать определенный сегмент действительности или действительность вообще в самом широком смысле; 2) как детерминирующую (например,

кодирующую) способность определенного вида знаков в отношении другого вида, например, способность естественного языка служить выражением определенных (например, религиозных) структур сознания или же как способность определенных «моделей» управлять своей деятельностью или деятельностью других «моделей» [1, с. 248].

Само понятие «моделирующая система» Аймермахер понимает также двояко: а) как «langue» в лингвистике, т.е. состав элементов и их способы и правила комбинирования (данное понятие ближе к пониманию первичной моделирующей системы); б) как «эксплицитно выраженный в научных целях репертуар признаков (в том числе и элементов и правил) определенного типа знаков, с помощью которого осуществляется систематический анализ типологически специфических явлений на предмет как универсальных, так и частных закономерностей, формулируемых в виде правил [1, с.249]. То есть, анализ и исследование экстралингвистических систем (текстов искусства, культуры, религии и т.д.), или, другими словами, вторичных моделирующих систем.

Дмитрий Сегал, говоря об отличии естественного языка от вторичной моделирующей системы, указывает на различие типа моделирования и на степень авто–рефлексии. Он говорит, что язык моделирует не дискретные фрагменты мира, а некоторую глобальную «точку зрения», в которой говорящий выражает свое отношение к действительности – «модальность». При этом, эта модальность еще неспособна к само–рефлексии, и не осознает самое себя. Говорящий не осознает, что его поведение (говорение) моделируется также и его языком, на котором он говорит. Вторичные моделирующие системы моделируют определенные дискретные фрагменты мира, которые уже описаны (при помощи естественных языков), и поэтому это описание способно само–рефлектировать [8, с. 32]. Об этом также говорит сам Ю. М. Лотман: «Структура естественного языка представляет собой некоторое упорядоченное множество, и для правильно говорящего сведения о ее построении являются полностью избыточными. Она целиком автоматизируется. Все внимание говорящих сосредоточено на сообщении – восприятие языка (кода) полностью автоматизировано. В художественных системах современного типа сама структура художественного языка информативна для участников акта коммуникации. Поэтому она не может пребывать в состоянии автоматизма. Некоторый заданный в данном тексте или группе текстов тип упорядоченности должен все время находиться в конфликте с некоторым неупорядоченным относительно него материалом» [5, с. 139].

Дихотомия «первичная/вторичная моделирующая система» указывает на иерархию уровней, изоморфизм систем, и работает без проблем в литературе (согласно российскому структурализму и семиотико–структуралистскому подходу раннего Лотмана): «вторичная» понимается как семиотическая «настройка» над естественным языком. При этом Лотман указывает на несводимость литературного языка к естественному, тем самым говоря об особенностях литературы как языка. Однако, стремление перенести такое понимание вторичных моделирующих систем на несловесные

виды искусства (например, изобразительные) многими исследователями воспринималось неоднозначно. Так, Анн Шукман спрашивает: «...Каково отношение языка, например, к живописи или ритуалу, которые ясно определены как «вторичные», и каковы результаты употребления лингвистической методологии, если все эти феномены первично являются лингвистическими» [12, с. 24]. Здесь мы можем сказать что, несмотря на широкое использование этого термина среди представителей ранней Тартуско-Московской школы, многие её представители, а также зарубежные исследователи, указывали позже на его неотрефлексированность [см.: 9, с. 274; 12, с. 24], а сами термины «вторичные моделирующие системы» и «модель» в разные эпохи Тартуско-Московской школы получали различные определения.

Хотя термин «вторичные моделирующие системы» возник при непосредственном участии Ю. М. Лотмана, Н. В. Поселягин указывает на изначальную нехарактерность данного термина для Лотмана, и более того, противопоставляет подход Лотмана подходу представителей российского структурализма – Московского кружка (Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Д. М. Сегал, М. Л. Гаспаров, А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов, а также группа академика А. Н. Колмогорова и другие), который возник незадолго до этого [см.: 7, с. 14–17]. Поселягин также определяет этот структурализм как «русский нелингвистический структурализм».

По мнению Поселягина, Ю. Лотман своим приходом в семиотику, в ранний период, внес два изменения в анализ модели: а) он ввел марксистско-гегелевскую диалектику в виде диахронии, концепта, двунаправленности моделирования (реальность моделирует художественное произведение, которое, в свою очередь, моделирует реальность); б) он отдал предпочтение динамическому представлению модели и моделирования. Мы можем констатировать тут связь между Лотманом и Пражской лингвистической школой – Р. О. Якобсон, Ян Мукаржовский и другие, которые, в противовес подходу Ф. де Соссюра, отдавали одинаковое предпочтение как синхроническому, так и диахроническому подходу к моделированию.

Такой подход изменил представление о модели и моделирования (у структуралистов Московского кружка модель и объект находятся в абсолютном пространстве, синхроническом универсуме, и при этом модель всегда отражала основные свойства своего объекта и отношения между его значимыми элементами, которые всегда неизменны), о глобальной и единой системе универсальных категорий, которые упорядочивают весь мир. Н. Поселягин даже указывает, что концепция Лотмана разрушила «большую парадигму» «долотмановского» российского структурализма.

Возникает вопрос: если описанный выше (согласно Н. Поселягину) подход Лотмана противоречит структурализму, то почему его (раннего Лотмана) структурно-семиотическая концепция глубоко и органично впитала в себя вторичные моделирующие системы, которые являются неотъемлемым свойством «долотмановского» российского структурализма, который он разрушил? Поселягин дает на этот вопрос четыре предположения для ответа.

1. Ю. Лотман принял этот термин из уважения к теории предшественников российского структурализма.

2. Особенность понимания «вторичной» иерархичности. Московские структуралисты понимали ее на уровне синтактики, а Лотман мог воспринимать ее на уровне прагматики. Из этого вытекают два варианта возможного понимания (по мнению автора, второе больше подходит к концепции Лотмана):

а) первичные моделирующие системы (т.е. лингвистические) создают новые смыслы за счет моделирование внутри своей системы и структуры, авторичные моделирующие системы не имеют такой возможности, и поэтому создают новый смысл за счет контекста к первичным моделирующим системам;

б) в первичных моделирующих системах план выражения и план содержанию достаточно разделены друг от друга и достаточно независимы друг от друга. Во вторичных моделирующих системах план выражения и план содержания тесно связаны друг с другом, поэтому план выражения также имеет содержательную функцию.

3. Уже ранний Лотман мог понимать термин «язык» не в лингвистическом, а в семиотическом (даже в культурологическом) смысле. «Тогда на первичном уровне семиотический объект выстраивает сложную систему внутренних связей – своего собственного языка, – а на вторичном определяет себя как семиотический уникум по отношению к контексту вне себя, моделируется им и, в свою очередь, моделирует его» [7, с. 18]. Н. В. Поселягин указывает, что этот подход был реализован Лотманом уже в книге «Лекции по структуральной поэтике» (1964), а также лег в основу концепции семиотики культуры 1970–х и теории семиосферы 1980–х. Тут автор также указывает на разрыв Лотмана с основными принципами «долотмановского» структурализма: «каждый семиотический объект является индивидуальным и уникальным, его язык каждый раз создается заново и не является вариантом, отображающим в себе основные особенности структуры некоего Инварианта» [7, с. 18]. Такое понимание объекта и языка не характерно «долотмановскому» структурализму.

Для раннего Лотмана «первичной моделирующей системой» была сама действительность, а не «язык», а «вторичной» при этом является искусство, как особое отражение этой действительности.

Сам Н. Поселягин не указывает на свои предпочтения из предложенных ним вариантов понимания Лотманом термина «вторичные моделирующие системы». Мы считаем, что это связано с тем, что все эти варианты одновременно актуальны в понимании данного термина, так как не противоречат друг другу, а только дополняют с разных сторон широкое понимание этого термина. Для нас является спорным утверждение автора, что «долотмановский» структурализм делал принципиальное различие на первичные и вторичные моделирующие системы (в понимании раннего Лотмана). Да, в этом структурализме было различие на простые и сложные знаки и иерархичность их в модели, наличие отношения между этими знаками. Но на взаимоотношение двух семиотических моделирующих моделей (двух различных языков),

при котором одна из них строится на основе другой, и вторая, более сложная модель обладает всеми существенными свойствами и функциями первой, более простой модели, – таких упоминаний мы не нашли. Есть указания на отношение между двумя языками, при этом более простой (например, искусственный) язык моделирует некоторые синтаксические свойства естественного (более сложного) языка. Есть интересное описание естественного языка, который состоит из двух семиотических систем, при этом над «первичной» надстраивается «вторичная» семиотическая система диакритических элементов знаков. Но обе эти системы составляют один естественный язык. То есть речь идет об одном конкретном языке, обладающем двухплановыми семиотическими системами. Но мы однозначно согласны, что понятия «первичная моделирующая система» и «вторичная моделирующая система» которые были характерны для раннего Ю. Лотмана, возникли уже на подготовленной для этого «долотмановским» структурализмом почве.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что, несмотря на не вполне научную причину образования термина «вторичная моделирующая система» (что описано В.А. Успенским), это понятие заняло важное место в структурно-семиотической концепции Ю. Лотмана, хотя и неоднозначно воспринималось другими представителями Тартуско-Московской школы. Формирование концепции «вторичных моделирующих систем» позволяет раскрыть своеобразное диалектическое взаимоотношение между лотмановским и «долотмановским» структурализмом, т.е. показать, что эта концепция, безусловно, возникла на уже подготовленной для этого «долотмановским» структурализмом почве, хотя принципиальное различие на первичные и вторичные моделирующие системы было сделано именно ранним Ю. Лотманом. Следует, однако, сказать, что в дальнейшем сам Ю. Лотман пересмотрел своё отношение к данному понятию – этот сюжет станет предметом нашей следующей статьи.

Список использованных источников

1. Аймермахер К. К истории становления дескриптивной семиотики в России // Знак. Текст. Культура. – М., 2001. – С.193–282.
2. Егоров Б.Ф. Жизнь и творчество Ю.М.Лотмана. – М., 1999. – 384 с.
3. Лакан Жак. Семинары. Кн.5: Образования бессознательного. – М.: Гнозис, Логос, 2002. – 608 с.
4. Лотман Ю.М. Семиясфера: Культура и взрыв; Внутри мыслящих миров; Статьи и Исследования; Заметки. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2000. – 703 с.
5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПБ», 1998. – С.12–150.
6. Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПБ», 1998. – 704 с.
7. Поселягин Н.В. О понятии «вторичные моделирующие системы»: из истории раннего российского структурализма // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – М., 2010. – №1. – С.13–20.
8. Сегал Д. Литература как вторичная моделирующая система // Slavica Hierosolymitana. – 1979. – Vol. IV. – P.1–35.
9. Успенский Б.А. К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994. – С.265–278.
10. Успенский Вл.А. Прогулки с Лотманом и вторичное моделирование // Лотмановский сборник 1. – М., 1995. – С.99–127.

11. Фаустов А.А. Миф и вторичные моделирующие системы // Поэтика мифа: Современные аспекты / Отв. ред. С.Н. Зенкин. – М., 2008. – С.5–23.

12. Shukman A. Literature and Semiotics. A Study of the Writings of Yu.M. Lotman. – Amsterdam – New–York–Oxford: North–Holland Publishing Company, 1977. – 239p.

References

1. Ajmermaher K. K istorii stanovenija deskriptivnoj semiotiki v Rossii // Znak. Tekst. Kul'tura. – M., 2001. – S.193–282.
2. Egorov B. F. Zhizn' i tvorchestvo Ju. M. Lotmana. – M., 1999. – 384 s.
3. Lakan Zhak. Seminary. Kn.5: Obrazovaniya bessoznatel'nogo. – M.: Gnozis, Logos, 2002. – 608 s.
4. Lotman Ju. M. Semiosfera: Kul'tura i vzryv; Vnutri mysljashih mirov; Stat'i i Issledovaniya; Zаметki. – SPb.: «Iskusstvo – SPB», 2000. – 703 s.
5. Lotman Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta // Lotman Ju. M. Ob iskusstve. – SPb.: «Iskusstvo – SPB», 1998. – S.12–150.
6. Lotman Ju.M. Ob iskusstve. – SPb.: «Iskusstvo – SPB», 1998. – 704 s.
7. Poseljagin N. V. O ponjatii «vtorichnye modelirujushhie sistemy»: iz istorii rannego rossijskogo strukturalizma // Vestnik RUDN, serija Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. – M., 2010. – №1. – S.13–20.
8. Segal D. Literatura kak vtorichnaja modelirujushhaja sistema // Slavica Hierosolymitana. – 1979. – Vol. IV. – P.1–35.
9. Uspenskij B. A. K probleme genезisa tartusko-moskovskoj semioticheskoj shkoly // Ju. M. Lotman i tartusko-moskovskaja semioticheskaja shkola. – M., 1994. – S.265–278.
10. Uspenskij V. A. Progulki s Lotmanom i vtorichnoe modelirovanie // Lotmanovskij sbornik 1. – M., 1995. – S.99–127.
11. Faustov A. A. Mif i vtorichnye modelirujushhie sistemy // Pojetika mifa: Sovremennye aspekty / Отв. ред. S. N. Zenkin. – M., 2008. – S.5–23.
12. Shukman A. Literature and Semiotics. A Study of the Writings of Yu.M. Lotman. – Amsterdam – New–York–Oxford: North–Holland Publishing Company, 1977. – 239 p.

*Konstantinov M. V., post-graduate student,
Poltava National Technical Yuri Kondratyuk University
(Ukraine, Poltava), mihael01@hotmail.com*

The genesis of Yuri Lotman's concept of secondary modelling system

The purpose of the present study is to reconstruct the history of emergence of the concept of secondary modelling system. The author analyses Yuri Lotman's relation to the preceding structuralism with respect to the generation and development of the concept of secondary modelling system, defining its contents and meaning, tracing the evolution of the concept. In order to do this, the author defines the meaning and contents of notions: «language», «text», «model», which played a role of structure-forming elements in Yuri Lotman's semiotics.

Keywords: language, Lotman, model, secondary modelling system, semiotics.

*Константинов М. В., аспирант кафедри філософії
і соціально-політичних дисциплін, Полтавський національний
технічний університет ім. Юрія Кондратюка
(Україна, Полтава), mihael01@hotmail.com*

Генезис понятия «вторичная моделирующая система» у Ю. М. Лотмана

Реконструйована історія виникнення поняття «вторична моделююча система», проаналізовано ставлення Ю. Лотмана до попереднього структуралізму в контексті формування і розвитку цього поняття, розкритий зміст і значення, а також еволюція поняття «вторична моделююча система» у Ю. Лотмана. В цьому контексті виявлено значення і зміст понять «мова», «текст», «модель», які відігравали структуроутворюючу роль у семіотичі Ю. Лотмана.

Ключові слова: мова, модель, вторична моделююча система, семіотика, Ю. Лотман.

* * *